
Международная конференция «Монастырская культура как трансконфессиональный феномен»

Как гласит известное изречение, «всё познаётся в сравнении». По крайней мере, в исторической науке сравнительный подход имеет первостепенное значение, и о необходимости его более широкого применения много говорится в историографии последних лет. Яснее увидеть в исторических явлениях общее и особенное, посмотрев на привычное под непривычным углом зрения, – такова была одна из главных целей представительной международной конференции «Монастырская культура как трансконфессиональный феномен», которая прошла 11–14 сентября 2012 г. во Владимире и Суздале. Темой дискуссий стала монастырская культура в широком смысле слова – т.е. тот специфический образ жизни, который сложился в монастырях, ставших в христианской Европе не только религиозными, но и культурными, общественными, экономическими и политическими центрами. Прежде всего имелось в виду сравнение западноевропейских католических и русских православных монастырей в позднее Средневековье, но были доклады, касавшиеся и раннехристианских корней монашества, и Византии, и русской монашеской традиции в XVI–XIX вв.

Конференция является результатом российско-немецкого научного сотрудничества. Идея её проведения принадлежит профессору Университета города Килия Людвигу Штайндорффу (Ludwig Steindorff), который давно и плодотворно занимается исследованиями поминальной практики в русских монастырях XV–XVII вв., а также его коллеге медиевисту Оливеру Ауге (Oliver Auge). Помимо Кильского университета организаторами выступили Германский исторический институт в Москве, Институт российской истории РАН и Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Финансовую поддержку обеспечили Фонд имени Фрица Тиссена (Fritz-Thyssen-Stiftung) и Германский исторический институт в Москве. Всего в конференции приняли участие около 40 учёных, из которых приблизительно половину составили историки из Западной и Центральной Европы (в основном из Германии), другую половину – российские историки.

Все выступления были сгруппированы по тематике в несколько последовательных секций (разделов): 1) «Религиозная подоплёка монашества. Условия зарождения монашества»; 2) «Богослужение в монастыре»; 3) «Повседневная религиозная жизнь: правила и формы организации. Монастырь как место социального дисциплинирования»; 4) «Монастырь как архитектурный ансамбль»; 5) «Монахи, монахини и семьи, из которых они вышли. Монастыри и жизненные стратегии семей»; 6) «Монастыри как интеграционные факторы в процессе становления государства»; 7) «Монастыри как интеграционные факторы городской жизни»; 8) «Монастырь и окружающее пространство. Монастырь как преобразователь ландшафта. Монастырь как экономический фактор»; 9) «Монашество и культура; монастыри как центры книжной продукции». Каждая секция завершалась выступлением, в котором специально приглашённый докладчик обобщал тезисы, высказанные в докладах соответствующей секции, и предлагал в сравнительном ключе узловые проблемы для дискуссии. Этот формат вполне оправдал себя, потому что не давал обсуждению «расплываться» и позволял подводить его промежуточные итоги – при том, что, естественно, секции различались по количеству докладов, их более узкой или широкой тематической направленности, хронологическим рамкам и т.п. Кроме того, эти «синтетические» выступления были ориентированы на компаративный подход, который, таким образом, служил своего рода путеводной нитью общей дискуссии.

Тематика докладов в первой секции на первый взгляд обнаруживает не много точек соприкосновения – монахи-мигранты в Палестине и на Синае в V–VI вв., социальное происхождение настоятелей русских монастырей в XV–XVII вв., монашеский этап в жизни деятелей Реформации начала XVI в. (доклады, соответственно, *А. Мюллера, Е. Романенко и В. Иванова*). Однако заключительное выступление Изольды Тире показало, что за этими отдельными и как будто не связанными сюжетами лежат явления и процессы, общие для западного и восточного монашества, – например, постоянное напряжение между двумя путями к спасению, после того как было принято принципиальное решение отречься от мира, – индивидуальная аскеза или общинный образ жизни. На Западе к позднему Средневековью институциональных форм для индивидуальной аскезы уже практически не существовало, и во всяком случае коллективные формы значительно преобладали. В православном же мире конкуренция этих двух форм существовала очень долго, и, например, особножительные монастыри дожили в России практически до реформ Петра. В монашестве католической и православной Церквей очень разными были реформаторские движения, однако общей для обеих конфессий является сама постоянная потребность в обновлении и возвращении к «чистым» и «незамутнённым» истокам раннего христианства (то есть, прежде всего, к наследию египетского и палестинского монашества). Перемещения и путешествия (мобильность) – это тоже константа монашеского образа жизни как на Западе, так и на Востоке.

Интересные сравнительные наблюдения позволили провести доклады второй секции, посвящённые монастырскому богослужению (заключительное выступление – *У. Кёпф*). Чтение определённых сакральных текстов (например, Псалтыри), исповедь, литургия (доклады, соответственно, *У. Кудера, М. Корогодиной и А. Пентковского*) – это элементы, общие для службы в западных и восточных монастырях. Но выступления показали, насколько разными были историческое развитие этих элементов и их роль в религиозной практике внутри соответствующей традиции в зависимости от тех или иных конкретно-исторических обстоятельств. Например, в России исторически так сложилось, что устав, предназначенный для монастырей, был принят для богослужения в приходских церквях, а в силу того, что архиереи происходили из монашества, всегда сохранялась тесная связь между архиерейским и монастырским богослужением. На Западе, напротив, богослужение в монастырях отличалось от порядка, принятого при кафедральных и приходских церквях (например, долгое время сохранялась публичная исповедь).

Весьма насыщенной оказалась третья секция. Такие вопросы, как правила и формы общежития в монастыре или организация (дисциплинирование) религиозной практики, подразумевают, с одной стороны, взгляд на внутреннее устройство монастырей, но с другой – вскрытие их связи с церковной и светской иерархиями, а также с отдельными личностями, проявлявшими повышенную религиозность (например, основателями или вкладчиками). И сама эта перспектива оказывается общей для католицизма и православия, определяя тот «вопросник», с которым каждый из исследователей подходит к источникам, какого бы происхождения они ни были. В то же время выясняется, что не только внутри той или иной христианской традиции, но и внутри того или иного государственного или общественного организма (иногда даже на региональном уровне) были выработаны свои нормы и механизмы как внутренней жизни монастыря, так и её связи с внешним миром. Это отчётливо показали доклады о скитах как своеобразной форме монашеской жизни, противопоставленных уже не только миру, но и монастырю (*Е. Белякова*), о расцвете наставительной-поучительной литературы в русских монастырях XV–XVII вв. (*С. Семачко*), об организации женских монастырей (*Е. Емченко* на русских материалах XVI–XVII вв., *К. Анденна* на итальянских XIV в.), а также доклады о социальной активности монахов в католической Европе, которая явно возросла с XII в. (*М. Шюрер*), и о соблюдении монастырского устава в поздней Византии (*Г. Принцинг*).

Исторические и конфессиональные особенности в строительстве монастырей на Западе и Востоке Европы очевидны – и выбор места для проживания монашеской общины, и разные техники строительства, и организация пространства в соответствии

с богослужебной практикой и т.д. Однако и здесь, как показали доклады четвёртой секции, обнаруживаются не только общие истоки, но и похожие явления и тенденции в создании и развитии архитектурно-строительных форм, обусловленные факторами, действовавшими и на Западе, и на Востоке, – и сама идея огороженного и сакрально насыщенного пространства для монастыря, и сочетание индивидуальных желаний или предпочтений (будь то заказчика или аскета-основателя монастыря) (*М. Унтерманн* о монастырском строительстве в средневековой Германии, *Т. Тимофеева* о Рождественском монастыре во Владимире).

Не только общность корней западно- и восточноевропейского монашества, но и аналогии в способах осмысления и практического применения общего раннехристианского наследия продемонстрировали доклады пятой секции. Разнообразные связи монашествующих с их родами и семьями, живущими «в миру», легко обнаруживаются и в женских монастырях в Германии XII в. (*Э. Шлотхойбер*), и среди братии Троице-Сергиева монастыря XVII в. (*С. Николаева*), и в вологодских и ладожских монастырях XVI–XIX вв. (*Н. Башнин*), и в русских монастырях XVIII – начала XX в. (*Г. Запальский*). Само вступление в монастырь (особенно это касается женских монастырей – как в католической Европе, так и в России) может быть обусловлено не столько личным выбором, сколько семейно-династическими стратегиями родственников. В выступлении, заключавшем этот раздел, *Л. Штайндорфф* обратил внимание на поминальную функцию монастырей и провёл сравнение в этом отношении между русскими монастырями XV–XVII вв. и западноевропейскими X–XIII вв. Он показал, что хотя сама задача поминания и некоторые способы решения этой задачи в монастырях Запада и Востока обнаруживают очевидные аналогии, в размахе и организации монастырского поминовения в России в XVI–XVII вв. есть явная специфика по сравнению со всеми остальными областями распространения христианства.

В докладах шестой секции анализировалась роль монастырей в политической жизни. *О. Ауге* рассматривал вклад монастырей в политическую интеграцию государственных образований Западной Балтики (от Померании до Дании) в высокое и позднее Средневековье. В докладах *А. Алексеева* и *В. Назарова* речь шла об участии властей крупных монастырей Северо-Восточной Руси в политической борьбе в XV – начале XVI в. Очевидны различия в этой роли монастырей на Западе и Востоке. В католической Европе, например, политическое значение монастыря, как правило, напрямую связано с миссионерской деятельностью. А на Руси большее значение имели связи монастырских властей с покровителями в высших звеньях светской иерархии. Но есть и общие черты: например, значение общественной позиции и морально-нравственных оценок, которые исходят из монастырской среды. С ними обязательно должны были считаться правители и политические лидеры в борьбе за власть. И на Западе, и на Востоке Европы монастыри могли выступать против правящих династий или кланов.

Седьмая секция состояла всего из трёх докладов: один касался роли городских монастырей в северо-немецких городах XII–XIII вв. (*Ш. Рютер*), второй – места монастырей в «сакральном ландшафте» Вологды в XVII в. (*М. Черкасова*) и «синтетический» доклад представил *А. Лавров*. Как и в других докладах о средневековых монастырях Западной Европы, в докладе Рютер особенно бросалось в глаза, насколько важную роль играли монашеские ордена в позднее Средневековье и насколько тесной была их связь с подъёмом городской коммунальной жизни. Ничего подобного русская история не знает. Однако Лавров справедливо подчеркнул общую парадигму для оценки роли монастыря в городской жизни Западной и Восточной Европы – конкуренция монастыря и приходской церкви, отражение и влияние индивидуальной религиозности (получившей особое развитие именно в позднесредневековом городе) в монастырской жизни.

В рамках восьмой секции речь шла о хозяйственно-преобразовательной функции монастырей, свойственной им как на Западе, так и на Востоке Европы. *В. Ших* показал в своём докладе значение монастырей в колонизации на немецком праве, которая развернулась в позднее Средневековье в западнославянских государствах. *В. Иванов* говорил о хозяйственной деятельности русских крупных общежительных монастырей

XVI–XVII вв. Пожалуй, в этом аспекте сравнение обнаруживает больше всего аналогий. Очевидно, практически повсеместно в христианской Европе монастырям принадлежала особая роль в колонизации, развитии землевладения и хозяйства – как в юридическо-институциональном смысле, так и относительно аграрных технологий, развития отдельных производств (например, пивоварение), интенсификации торговли и т.д. Возможности археологии в раскрытии этой роли монастырей продемонстрировал доклад *С. Чернова*, в котором излагались результаты недавних раскопок на территории некоторых подмосковных монастырей XIV–XVI вв.

Немало аналогий между Западной Европой и Россией обнаружили доклады последней секции, где речь шла о монастырях как хранителях книжно-литературной традиции. *К. Шнабель* рассказывала о книжной продукции северонемецких монастырей позднего Средневековья. В частности, она указывала на действие таких факторов, как появление книгопечатания и культурная деятельность университетов. Об университетах много говорилось в докладе *В. Володарского* о ренессансном гуманизме в Германии. Конечно, в допетровской России университетов не было, и даже в XVII в. значение книгопечатания не было решающим. В этих условиях монастыри, как и в Средние века, сохраняли ведущую роль центров письменной культуры. И это обстоятельство, хотя и с разных точек зрения, подчёркивалось в докладах *Е. Шевченко*, *С. Гордеева* и *М. Быковой*. В «синтетическом» выступлении *А. Доронин* справедливо заметил, что в этом отношении аналогии между Россией и Западной и Центральной Европой обнаруживаются не в синхронных разрезах, а на разных исторических этапах, причём в России, как правило, дольше, вплоть до XVI–XVII вв. сохраняются архаические черты, характерные для католической Европы раннего и высокого Средневековья.

Последний тезис неоднократно звучал в выступлениях на заключительной дискуссии. Много говорилось о том, что тему конференции можно рассматривать в разных аспектах и для исследования применять разные понятия и методики, но практически никто из выступавших не ставил под сомнение плодотворность изначально избранного сравнительного подхода и наличие бесспорных аналогий в монастырской культуре Востока и Запада Европы в Средневековье и раннее Новое время. В представленных докладах преобладающим был взгляд на монастыри и монашество с точки зрения социальной истории, признающей, что монастырь – это особый мир, но в то же время предполагающей многообразные связи этого мира со светским. Для исследований религиозной культуры и церковной истории, сочетающих социально-исторический и компаративный подходы, открываются широкие перспективы. Подобные встречи историков просто необходимы, и очень важно поддержать инициативу *Л. Штайндорфа* и *О. Ауге*, благодаря которой состоялась данная конференция.

Высказывались и некоторые сожаления и пожелания, которые можно было бы учесть в будущих дискуссиях на тему конференции (или темы, близкие к ней) и при работе над сборником статей, который планируется издать по итогам конференции. Так, *Е. Белякова*, например, справедливо отметила, что мало говорилось о случаях непосредственного взаимодействия представителей западного и восточного монашества и не анализировался опыт диалога разных религиозных культур в контактных зонах или на примере конкретных личностей. Между тем примеры такого рода есть, в том числе очень яркие. Достаточно вспомнить удивительную и во многом загадочную фигуру *Максима Грека* – монаха, воспитанного в греческой культуре, жившего долго на Афоне и в Западной Европе, но большую часть своей сознательной жизни проведшего в России. Этот яркий и тонкий писатель-богослов черпал в своих исканиях и идеях из опыта и западного, и восточного христианства и, выходя за конфессиональные рамки, воплотил экуменический дух и связал гуманистические идеалы с традициями католического и православного монашества.

Видится много возможностей расширить или углубить темы, поднятые этой конференцией. Хотелось бы, чтобы за ней последовали новые встречи и дискуссии и эти возможности были реализованы.

П.С. Стефанович